

Он опустил голову, уставившись на серые кроссовки Фэн Чэнъяня, покоящиеся на подножке инвалидного кресла, и чувствовал, как сердце тревожно колотится в груди.

Через штанину даже не разглядишь, наложен ли гипс.

Впрочем, раз уж дошло до инвалидного кресла, травма наверняка серьезная.

Ну за что моим малышам досталась такая горькая судьба, даже нормальных родителей на двоих не собралось.

Но вспоминая поврежденную ногу Фэн Чэнъяня и собственное поведение во время телефонного разговора, Цзян Най испытывал укол вины — не стоило быть столь вспыльчивым.

С искренним выражением лица он произнес извинение:

— Я уже глубоко обдумал свое недавнее поведение, пожалуйста, прости меня.

Дин Юй положил руку на спинку кресла, замер всем телом и опустил голову.

Что здесь вообще происходит?

Шеф завел дома штатную домохозяйку? Или любовника?

Раз уж он зовет его господин Фэн, вряд ли они женаты.

Он попытался изобразить непринужденность и даже легко усмехнулся про себя.

— Вот как, — Цзян Най сжал руки в кулаки и выпрямился.

Хотя, учитывая состояние и положение Фэн Чэнъяня, такой выбор вполне естественен, но слышать это своими ушами от человека, стоящего перед ним, было неприятно.

Дин Юй мысленно выстраивал варианты решения проблемы, думая о том, что боссу еще предстоит возвращаться на совещание, утверждать проекты и вести всю компанию к процветанию.

Цзян Най слегка чертил носком ботинка полукруг на полу и чуть слышно выдохнул:

— Я могу понять твои действия, Тётя Чжан ведь куда опытнее меня. К тому же я отец детей и, конечно, хочу, чтобы Фань-фань и остальные росли в привычной обстановке.

Даже повидавший виды Дин Юй отчетливо чувствовал, как настроение шефа упало еще на несколько пунктов, поэтому он стоял, уткнувшись взглядом в затылок начальника, и не смел даже вздохнуть.

Любое лишнее движение нарушит эту жуткую атмосферу.

Судя по всему, ничего страшного не произошло, так что лучше пустить всё на самотек.

Видя, что Цзян Най молчит, Фэн Чэнъянь заговорил первым:

— Тётя Чжан раньше работала у моих родителей, она трудится в нашей семье уже больше десятка лет, и в плане надежности к ней нет никаких вопросов.

Даже если продать всю напольную плитку в этом доме, выручки не хватит.

Фэн Чэнъянь опустил руки на колени, глядя на бесстрастного Цзян Най, чуть сильнее сжал пальцы, и меж его бровей залегла складка — казалось, он ждет, что тот продолжит.

Однако сейчас ему казалось, что воздух в гостиной буквально застыл.

К тому же, даже если лишить человека зарплаты, много ли там наберется.

Но Цзян Най лишь выдал короткое вот как и плотно сжал губы.

Сам он слегка подал инвалидное кресло вперед, а взгляд его стал глубоким:

— Цзян-сяньшэн, я вовсе не собирался тебя упрекать, и это решение никак не связано с местью за тот телефонный звонок. Вернуть Тётю Чжан я попросил лишь ради того, чтобы они были под лучшим присмотром.

Фэн Чэнъянь ничего не сказал о том, принимает ли извинения, а вместо этого сразу заговорил о Тёте Чжан — неужели он посчитал его слишком несдержанным и неподходящим для воспитания двоих детей?

Выходит, шеф сорвался с места из-за одного звонка и помчался домой только для того, чтобы запугать этого беднягу, которого перепугали до состояния гриба.

Выражение его лица оставалось спокойным:

— Тётя Чжан вернется уже завтра. У нее огромный опыт, и она давно знает обоих детей, она о них позаботится.

Эта усадьба и изначально стоила целое состояние, а высокие потолки в гостиной и ряды панорамных окон делали пространство еще более светлым и просторным.

Но Фэн Чэнъянь — тот еще бессовестный тип.

Когда послушный и кроткий юноша опускает голову, говорит мягким тоном и так искренне просит прощения — кто вообще сможет перед этим устоять?

Да он и сам всего два дня как новоиспеченный отец, какое он вообще имеет право упрекать Фэн Чэнъяня, который заботился о малышах целых три года?

Кто знает, может, им всем троим так даже лучше.

Разве можно ставить на одну чашу весов воспитателя из детского дома и высокооплачиваемую звездную няню?

А то, что у Фань-фаня с Чжоу-чжоу были проблемы с чувством безопасности, вполне могло оказаться его собственной ошибкой — в конце концов, прошло всего два дня, разве можно с ходу в чем-то разобраться.

Наверное, господин Фэн лишь для вида сохраняет вежливость, а на самом деле давно считает его занудой и чудаком.

Эх, ну надо же было снова всё испортить.

Он решил сменить тему и поинтересовался ногой Фэн Чэнъяня:

— Твоя нога сильно пострадала? Если можно, всё же стоит съездить в больницу и как следует провериться, дома ведь дети и Тётя Чжан...

Фэн Чэнъянь повернулся к Дин Юю и велел ему возвращаться в офис:

— Перенеси дневное совещание в онлайн-формат, если возникнет что-то срочное — сразу сообщай мне.

— Слушаю, генеральный директор Фэн.

Дин Юй вытянулся по струнке, его лицо приобрело предельно серьезное и деловитое выражение.

Но кто бы мог подумать, что в голове у этого высокооплачиваемого элитного помощника вовсю крутится радар для сплетен, а мысли заняты самыми грязными домыслами, о которых шефу лучше не знать.

Выехав на машине с территории шефа, он наконец дал волю эмоциям — лицо его исказилось от изумления, и он выдохнул:

— О боже мой!

Количество информации оказалось настолько огромным, что его процессор чуть не сгорел.

Супруга шефа, судя по всему, оказалась мужем.

Родил двоих детей, а шеф прятал его от всех так надежно... Сначала он думал, что богачи просто практикуют схему забрать ребенка без матери или запереть птичку в золотой клетке.

Но он никак не ожидал, что у них принят вот такой формат отношений.

Перед лицом собственного мужа и биологического отца детей он не только называет шефа господином Фэном, но еще и жмется испуганным птенчиком, непрерывно извиняясь.

Ну просто бессовестный шеф!

Тот самый бессовестный господин Фэн в этот момент вел самую дружескую беседу со своим напуганным птенчиком-супругом, и оба они молча обошли стороной тему недавней ссоры, решив перевернуть страницу.

Впрочем, Фэн Чэнъянь всё же заговорил первым, приняв мягкий вид — делать было нечего, любимый человек потерял память, и всё приходилось начинать сначала.

Включая ухаживания.

Хорошо хоть у него имелся опыт.

— Не переживай, с ногой всё в порядке. Просто вышел небольшой несчастный случай, врач говорит, что через месяц-другой я полностью восстановлюсь, да и болит не сильно. Столкнувшись с такими чувствительными людьми, как Цзян Най, жаловаться на судьбу и выставять себя жертвой — беспроигрышный вариант. К тому же он действительно подвернул ногу, так что не лгал.

Стоило ожидать, что Цзян Най тут же встревожится:

— Ты ведь даже в инвалидном кресле, и восстанавливаться ещё целый месяц, с чего это вдруг несерьёзно?

Фэн Чэнъянь продолжил:

— Просто подвох в том, что нога подвёрнута, не так уж и страшно. Но всё равно спасибо за заботу, господин Цзян.

Тембр голоса мужчины попадал прямо в эстетические предпочтения Цзян Ная. То ли нарочно, то ли случайно, но всякий раз, произнося «господин Цзян», он делал интонацию особенно отчётливой и низкой.

Выслушав это, Цзян Най запинаясь пробормотал:

— Эм, мы же... теперь вроде как довольно близки, давай без... этого «господин Цзян», называй меня просто по имени.

Фэн Чэнъянь с лёгкостью согласился:

— Хорошо, Най-най.

Черт! Урон стал ещё сильнее!

Лицо Цзян Ная залило ярким румянцем, губы зашевелились, но издать хоть звука он не смог.

Мгновение спустя он резко развернулся, подскочил к обувному шкафу, вытащил чёрные мужские тапочки и вернулся к Фэн Чэнъяню.

Заговорив снова, он звучал так, будто махнул на всё рукой:

— Тебе так неудобно, давай я помогу переобуться.

С этими словами он присел на корточки, осторожно развязал шнурки на повседневных кроссовках, стараясь максимально ослабить их, аккуратно обошёл повязку на щиколотке и ловким движением снял обувь.

Затем протянул принесённые тапочки, подумал немного и, решив довести дело до конца, сам надел их на него.

Сидя в инвалидном кресле и слегка опустив голову, Фэн Чэнъянь видел изящную белизну шеи Цзян Ная — хрупкую на вид, хотя он прекрасно знал, сколь упорным и негибачаемым бывает этот человек.

Любимый, обрётённый вновь после долгой разлуки, сидел перед ним на корточках, бережно меняя ему обувь.

Мужчине отчаянно хотелось протянуть руку, коснуться его мягких волос, почувствовать биение пульса на горле и прижать к себе, крепко заперев в объятиях.

Желание внутри ползло ввысь без всяких преград, рука, лежавшая на подлокотнике, нетерпеливо подрагивала, готовая в любой момент утащить обожаемое сокровище в тщательно подготовленное гнездо и там надёжно укрыть от всего мира.

— Готово. — Цзян Най поднялся, хлопнул в ладоши, выражая полное удовлетворение своей работой, и убрал снятые кроссовки обратно в шкаф.

Понятия не имею, чем врачи намазали ногу Фэн Чэнъяню, но пахло на удивление приятно, прямо как настоящий парфюм.

— Спасибо, что повозился, Най-най.

От этой улыбки Цзян Най снова растерянно замер.

Как вообще можно ухитриться быть таким соблазнительным, сидя в инвалидном кресле?

Неужели при рождении близнецов в его организме появились какие-то странные генетические мутации? Раньше он вовсе не был таким падкастым на чужую внешность.

Он отвёл взгляд и уставился на часы на стене.

Из-за утренней суматохи сейчас было всего половина одиннадцатого.

Если успеть пообедать к двенадцати часам, сложные блюда действительно пора начинать готовить прямо сейчас.

К тому же ему ужасно не хотелось и дальше оставаться рядом с Фэн Чэнъянем.

— Я пойду готовить обед. Врач говорил что-то насчёт ограничений в еде?

— Ничего особенного, готовь на свой вкус.

И всё же Цзян Най выбрал несколько лёгких блюд, собрал нужные ингредиенты и зажёл огонь.

Фэн Чэнъянь неизвестно откуда извлёк ноутбук и прямо в гостиной принялся стучать по клавишам. Выглянув из кухни через прозрачную стеклянную перегородку, Цзян Най как раз заметил прямую спину мужчины.

Уважаемый генеральный директор Фэн вовсе не собирался последовать примеру трудоголиков, сбежавших из офиса лишь для того, чтобы с головой уйти в работу. Он открыл свою личную папку и в одном из документов поставил галочку напротив пункта «Травма».

На той же странице ниже имелось ещё немало строк вроде «кинотеатр», «пляж» и «ресторан».

Правда, там значились лишь одни названия мест, безо всяких пояснений.

Цзян Най, разумеется, понятия не имел, чем занимается Фэн Чэнъянь, ведь сейчас перед ним простирался его собственный кулинарный фронт.

Купленные утром свиные ребрышки бланшировали, промыли, сложили в глиняный горшок вместе с порубленным на куски кукурузными початками и поставили тушиться, добавив для вкуса лишь соль, зелёный лук и имбирь.

Снятые кукурузные рыльца тоже не стоило выбрасывать: почерневшие и старые части удалили, оставшиеся завязали узелком и поставили вариться вместе с кожурой мандарина, инжиром и кусочками спелой груши. Напиток получился нежно-сладким, идеальным для того, чтобы освежить во рту после еды.

На куриных бёдрышках сделали ножом несколько надрезов, замариновали в фирменной смеси специй Цзян Ная, а затем обжарили на сковороде. По кухне мгновенно разнёсся аппетитный шкворчащий звук.

Обжаренное мясо нарезали аккуратными ломтиками и выложили на тарелку: ярко-красное, с хрустящей корочкой и нежной мякотью, без малейшего намёка на сухость или посторонний запах.

Вдобавок к этому он состряпал ещё несколько овощных блюд: салат-латук, обжаренный в устричном соусе, белые грибы эринги с водяным шпинатом, а также сезонное весеннее блюдо — бланшированные ростки волчьих ягод, побеги горного бамбука и грибы под холодной заправкой.

Еда быстро оказалась на столе.

— Подумал, что нас всего двое, поэтому порции сделал небольшими. Если вдруг не хватит, в духовке ещё лежат свежие пирожные цзаохуа.

Эти сладости они заготовили для малышей — завтра те отнесут их в садик своей подружке

Юань-юань, которая ещё вчера весь вечер выпрашивала угощение.

Цзян Най встал, чтобы наложить еды Фэн Чэньяню, чьим рукам пока приходилось туго, а тот обвёл взглядом уставленный тарелками стол.

Его любимый ещё до их встречи работал частным поваром, и мастерство владения ножом и плитой вызывало у всех неизменное восхищение.

После того как они сошлись, находились желающие посулить огромные деньги, лишь бы Фэн Чэньянь свёл их с Цзян Наем и перекупил его талант.

И вот человек, обладавший таким даром, сейчас хлопотал над его обедом.

Точно так же, как и в прежние времена.

— Най-най, мне очень нравится.

Тон прозвучал серьёзно и строго, будто на деловых переговорах о важном сотрудничестве.

Вот только фраза таила в себе двусмысленность и неясность.

Что именно ему нравится — разносолы на столе или сам Най-най?

Сам Най-най не имел ни малейшего понятия и спрашивать не осмелился.

<http://bllate.org/book/22066/2294549>